

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8503

УДК 82-14

А. В. Петров*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова**(Магнитогорск, Российская Федерация)*

alexpetrov72@mail.ru

Поэтика цикла новогодних стихов М. В. Исаковского (сравнительно-типологический аспект)

Аннотация. Шесть новогодних (эонических) стихотворений М. В. Исаковского, написанных в период с 1942 по 1972 г., рассмотрены в статье как неавторский цикл со своим «сюжетом». В нем нашли отражение такие философские концепты, как смерть, вина, страдание, случайность и др., обнаружившие себя в сакральный момент времени — под Новый год. В трех «фронтowych» тостах отразилось чувство вины Исаковского перед самим собой и народом, стремление Словом «заключить» враждебные силы и тем приблизить победу. Шуточный послевоенный тост 1948 г. манифестировал возвращение жизни в СССР в мирную колею, знаком чего стали государственные и семейные праздники, застолья. В официальном «газетном» тосте «за 1958 год» выражена идея «нового счастья», акцентирующая мотив мирных трудовых подвигов советского народа; стихи «на 1973 год» могут быть названы исповедальными. Новогодние стихи Исаковского анализируются в контексте двух традиций — русской эонической поэзии и ритуальных тостов. В ходе исследования удалось проследить связь со стихотворениями В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, М. И. Цветаевой, А. Т. Твардовского. Новогодний стихотворный тост, с одной стороны, стал в годы войны одним из многих жанров, способствовавших единению русского народа перед лицом смертельной опасности, с другой — сохранил в себе ряд архаичных топосов (переживание новогоднего пограничья как сакрального времени, ритуальные магические формулы, заклинающие Смерть, Время и Судьбу, библейский архетип богоизбранного народа и др.).

Ключевые слова: М. В. Исаковский, новогодняя поэзия, эоническая поэзия, Великая Отечественная война, церемониальный тост, компаративистика, библеизмы

Об авторе: *Петров Алексей Владимирович* — доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Российская Федерация, 455000)

Дата поступления: 15.08.2020

Дата публикации: 30.10.2020

Для цитирования: Петров А. В. Поэтика цикла новогодних стихов М. В. Исаковского (сравнительно-типологический аспект) // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 306–330. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8503

Главная драгоценность литературного наследия Михаила Васильевича Исаковского (1900–1973) — его песни. Они хорошо изучены и давно стали частью нашей культуры, по-прежнему звучат на российском радио и телевидении. При этом непесенная лирика Исаковского незаметно отошла на второй план: так, ее исследование в формате научной диссертации фактически прекратилось к 1970-м гг.

Изучая маргинальные жанры в русской поэзии (см.: [Петров, 2009]), мы остановили свое внимание на новогодних, или эонических, стихах поэта. Всего их шесть. В его творчестве они появляются внезапно: в декабре 1942 г. («1943-й год»), затем Исаковский встречал стихами следующие два военных новолетия — 1944-й («Новогодний тост») и 1945 г. («В новогоднюю ночь»). Его послевоенные новогодние стихи являются еще более «случайными», демонстрируя саму природу эонической поэзии. Представляют они два модуса этой окказиональной поэтической продукции: *шуточный* («Застольная бесконечная. На все случаи жизни», написанная на 1949 г.), и *философический* («Тост» на 1958 г. и «Никто мне в детстве не дарил игрушек. У новогодней елки» — стихотворение, созданное перед последним в жизни поэта новогодним праздником, в декабре 1972 г.).

Этими стихами отмечены наиболее значимые для Исаковского, в каком-то смысле избранные «годы-события» в его судьбе на протяжении 30 лет: Великая Отечественная война, послевоенные будни, хрущевская «оттепель», приближающаяся смерть.

Советские поэты писали стихи о празднике Нового года крайне редко: например, у ближайшего друга Исаковского — А. Т. Твардовского — их три (1935, 1941 и 1959 г.), а у главных «недрузгов» — С. И. Кирсанова и Н. А. Заболоцкого — ни одного. Схожая картина наблюдается во всей советской поэзии

1920–1980-х гг., что легко проверить методом сплошного просмотра собраний сочинений. На этом фоне шесть новогодних стихотворений — не так уж и мало. К лучшим поэтическим произведениям Исаковского они не относятся, в его сборники обычно не включаются, тем не менее некоторого внимания заслуживают хотя бы потому, что являются частью давней и устойчивой литературной традиции (см. об этом: [Петров, 2009, 2015]), которую можно считать одним из «лиро-философских метатекстов» (см.: [Радионова]) русской литературы.

Новогодние стихи Исаковского 1942–1944 гг. отражают все идеологемы советской поэзии периода Великой Отечественной войны и могут быть отнесены к ее «публицистической», или «газетной», стилевой тенденции. В этом смысле ничего принципиально нового они не несут: всё те же инвективы, призывы, мотивы ненависти и мести, выражение коллективной точки зрения и пр. (см.: [Добренко], [Кукулин], [Поэзия Великой Отечественной войны...], [Соцреалистический канон]). Стихотворение 1948 г. занимает свое, пусть небольшое, место в ряду русских шуточных эронических стихов XVIII–XX вв. Стандартным и даже внешне «плакатным» является стихотворение 1957 г., при этом оно может быть истолковано в феноменологическом ключе — как выражение скрытых от наблюдателей дум и надежд Исаковского. Наиболее лично звучащим, исповедальным по сути, оказалось стихотворение 1972 г., которое, по-видимому, не предназначалось для печати.

Именно в «новогодней» составляющей этого неавторского цикла и обнаруживается не освещенная пока еще в науке сторона поэтического наследия Исаковского. По нашему мнению, календарные «стихи на случай» (каковыми по своей жанровой природе являются новогодние стихотворения) нередко маркируют, у Исаковского в частности, одну из экзистенциальных, так называемых «пограничных», ситуаций. Немецкий философ К. Ясперс насчитывал их не менее пяти и определял так: «...я должен умереть, должен страдать, должен бороться, я завишу от случайности, я с неизбежностью обнаруживаю собственную вину» [Ясперс: 21]. В стихах Исаковского представлены все пять «ситуаций», что само по себе

необычно как для новогодней лирики в целом, так и для творчества поэта, известного прежде всего своими лирическими любовными песнями, а отнюдь не философичностью. Объяснить это можно, с одной стороны, топикой и философской проблематикой эонической поэзии, которые были унаследованы Исаковским, полагаем, по большей части бессознательно; с другой — сформировавшимися у него принципами писательского и личного поведения, обусловленными, в свою очередь, его индивидуальным «я» и необходимостью встраиваться в меняющиеся реалии советской жизни и литературы.

В центре дальнейшего анализа будет контекст, заданный сюжетообразующей — «событийной», по терминологии современного исследователя лирических метатекстов [Радинова: 30], — ситуацией пяти из шести рассматриваемых стихотворений. Из поэтов — предшественников Исаковского такой же повышенный интерес к ней проявил только В. П. Буренин в 1870–1880-е гг. Эта странная общность, на которой мы останавливаться здесь не будем, определяется, на наш взгляд, публицистическим, газетно-журнальным характером данного лирического сюжета, использованного двумя столь разными русскими писателями.

Итак, этим сюжетом, определившим архитектуру пяти новогодних стихотворений Исаковского, стал *поздравительный тост*. Стихотворение «на 1944 год» так и называется — «Новогодний тост»; «на 1945-й» в газетном варианте имело название «Фронтowej тост»; стихи «на 1949 год» — «Застольная бесконечная»; «на 1958 год» — «Тост». В 1938 г. Исаковский написал шуточную «Писательскую застольную» (на мотив белорусской песни «Бывайте здоровы»), а в последний предвоенный год — оптимистичную гражданственную «Застольную песню». В своей жанровой основе застольными песнями являются и его новогодние стихи 1940-х гг. Однако песенная природа прямо декларирована только в последнем из «военно-новогодних» стихотворений — «В Новогоднюю ночь» (30 декабря 1944 г.):

«Так давайте ж споем
Про нее за столом
И давайте нальем
За нее» (родину. — А. П.)¹.

Бодрый двустопный анапест, нечастый у Исаковского размер, явно взят из «застольной» 1940 г., но с существенными поправками в рифмовке и в строфике. Последние придали ему более драматичное звучание. В двух предшествующих новогодних стихах песенное начало выражено по-иному. Поясним нашу мысль.

Как отмечалось выше, до Великой Отечественной войны Исаковский новогодних стихов не писал, как и Твардовский, например. Но обращает на себя внимание то, что стихотворение Твардовского «Новогоднее слово» было напечатано 1 января 1942 г. в газете «Красная Армия» и больше во время войны, да и позднее (за единственным исключением), поэт к этому жанру не возвращался. Опубликовав новогодние стихи ровно через год, Исаковский, по сути, подхватил начинание своего когда-то протеже, а теперь младшего, но более маститого друга, буквально реализовав, а где-то просто повторив зафиксированную тем идейно выдержанную «новогоднюю программу». Что это за программа? Сошлюсь на свою статью об эонических стихах Твардовского [Шердюкова, Петров], дополнив ее рядом новых наблюдений.

В «Новогоднем слове» изменению подвергся идейно-художественный «код»: изначальный религиозный заменен гражданско-патриотическим. Слово в истории русской литературы — это, как известно, жанр духовного, а с XVIII в. и светского красноречия. Проповедник или облеченный властью и авторитетом общественный деятель адресует свою новогоднюю поздравительную речь максимально широкому кругу «посвященных». В стихах Твардовского это, с одной стороны, «друг, товарищ, брат»² — солдаты и офицеры Красной Армии, с другой — «друзья, родные иль дети» — гражданские лица. В сакральный временной промежуток — в новогоднюю ночь — и будет произнесена, после окончательной победы над врагом, речь о таинстве любви к Родине, о героических буднях войны, о ненависти к врагу. Здесь хорошо просматривается

один из трех важнейших «экзистенциальных архетипов» поэзии о Великой Отечественной войне, названный В. Ю. Даренским «вхождением в сакральную общность людей Родины» [Даренский: 100].

Намечен в «слове» Твардовского и мотив новогоднего тоста:

«И — ради праздника — в избе
С хорошим дедом выпить»³.

Этот стихотворный размер — чередующийся четырех- и трехстопный ямб — Исаковский оставляет в двух своих стихах — на 1943-й и 1944 год. Кроме того, сохранив пафос предшественника, Исаковский, в свою очередь, меняет жанровый код своего новогоднего «послания», адресованного читателям всего Советского Союза.

Около лета 1942 г. он создает стихотворение «В прифронтовом лесу», положенное на музыку И. Блантером, быстро завоевавшее популярность в качестве песни в тылу и на фронте (см. об этом: [Железный: 101–104]). Оно написано теми же самыми чередующимися строками четырех- и трехстопного ямба, только уже со сплошными мужскими окончаниями и с делением на четверостишия. Эти «коррективы» подчеркнули песенно-стансовую природу стихотворения и удачно легли на ритм вальса. Точно такие же стиховые маркеры использованы и в «1943-м годе»; при этом строфический объем двух стихотворений Исаковского практически совпадает: одиннадцать и двенадцать строф соответственно. В новогодние стихи, следовательно, оказалась «вписана» популярная, узнаваемая мелодия вальса и сопровождающие, усиливающие ее суггестивность и лиризм. «Газетные» стихи зазвучали очень интимно и певуче:

«В землянках, в сумраке ночном,
На память нам придет —
Как мы в доме своем родном
Встречали Новый год;

Как собирались заодно
У мирного стола,
Как много было нам дано
И света и тепла. <...>» (250).

Форма поздравительного тоста, в сравнении с «Новогодним словом», придала им еще большую интимность и проникновенность. Однако эта структура несла в себе и другие, гораздо более архаические смыслы и имела небезынтересную предысторию в русской поэзии. Остановлюсь на них подробнее, проводя типологические параллели со стихами Исаковского.

Как и многие стихотворные жанры, приуроченные к праздникам, в том числе календарным, тост генетически связан с обрядом и ритуалом, откуда, в частности, идет его заклинательный характер. Судя по всему, обрядово-магическое целеполагание питья алкогольных напитков сформировалось в глубокой древности⁴. Большая часть соответствующих обрядов имела характер посвящения, или инициации, и сопровождала различные акты социальной коммуникации: «Основное обрядовое значение П<итья> заключается в его коллективном характере: П<итье> укрепляет социальные связи, маркирует включение в социум новых членов или изменение статуса старых, служит приметой особого (сакрального) времени и особых событий»⁵. Следует также отметить, что эоническая поэзия выработала собственный набор заклинательных формул, призванных магически воздействовать на Время, Судьбу и Счастье.

У Исаковского императивы и синонимичные им грамматические формы, которые чаще всего являются оболочкой для заклинательных формул, таковы:

1) В стихотворении «1943-й год»: «Так этому и *быть!*», «И Гитлер больше *пусть не ждет* / Домой солдат своих, — / *Да будет* сорок третий год / Последним годом их!» (251).

2) Во втором, «на 1944 год», использованы конструкции с союзом «*чтоб*»: чтобы «стереть с лица земли» «ненавистного врага»; чтобы его навсегда «погребли» снега; чтобы он бежал «в отчаянье домой / И *чтоб* уйти не смог»; чтобы земля отдохнула «от грохота атак» и итоговое «заклинание-тост» — «Поднимем тост, мои друзья, / *Чтоб* это было так!» (262–263).

3) В третьем используются глаголы в будущем времени и суггестивные возможности повторов, нанизывание синонимов: «Мы вернемся, придем, / Мы увидим свой дом, — / И да будет та встреча светла!» (275). Кроме того, в этом стихотворении, на победный 1945 год, четырнадцать раз использована «заклинательно-тостовая» анафора за: «за того, кто нас ждет», «за своих матерей», «за подруг, за друзей» и т. д. (275). Для сравнения: в стихах «на 1944 год» предложно-падежная формула «за <кого>» использована десять раз, в стихах «на 1943 год» — один раз, как воспоминание о былом, довоенном счастье.

Таким образом, смысловая динамика использования такого топоса, как *магические заклинательные новогодние формулы*, в стихах Исаковского связана с «особыми событиями» и «сакральным временем»: от пожелания смерти врагу до заклинания тех, кто ждет солдат дома, и заклинания Времени и Судьбы, которые должны позволить солдатам вернуться домой живыми. Ситуация «событийная» превращается в «бытийную» (об этой антитезе см.: [Радионова: 29–60]).

Тост, как уже упоминалось, это и часть церемонии, ритуала. Собственно, о церемониальных тостах на Руси мы узнаем из записок иностранцев не ранее XVI в., когда «при дворе московского государя» возник обычай пить «за здоровье иностранных послов»⁶. В России краткие застольные речи становятся неотъемлемой частью светских праздников в Петровскую эпоху. Переход церемониальных тостов из придворной / политической культуры в культуру литературную, а именно стихотворную, затянулся почти на целое столетие. Сначала данный речевой жанр появился в стихах военно-патриотических, затем — в новогодне-поздравительных. Следует отметить, что русская эроническая поэзия вплоть до 1820-х гг. *застольных благопожеланий* не знала. Объединение тоста и новогоднего поздравления в русской поэзии вероятно впервые происходит в дружеском послании П. А. Вяземского «1828 год»:

«Друзья! по вздоху, полной чаше
За старый год! и по тройной
За новый! Будущее наше
Спит в колыбели роковой»⁷.

Вероятнее всего, именно жанр дружеского послания стал одним из «катализаторов» появления застольных тостов в нашей поэзии. «Друзья» в новогодних стихах Исаковского, хотя и производят впечатление реально существующих персонажей, являются топосом (той же дружеской застольной песни, например). Ср.: «И вот, друзья, мы здесь теперь — / Наедине с войной. <...> / Друзья мои, бойцы» (251); «Друзья мои и весь народ, / Поднимем этот тост» (262); «Наливайте, друзья, / Поднимайте, друзья!» (275).

Нужно помнить, что большая часть военно-патриотической лирики Исаковского, в том числе новогодние стихи, является ролевой. Здесь, видимо, сказалась инерция привычного для поэта жанра песни с ее отличным от автора мужским или женским «я». Кроме того, Исаковский из-за серьезных проблем со зрением не мог принять участия в военных действиях даже в качестве военкора, как то было со многими его коллегами по цеху. И потому концепт «Друзья» в его стихах — это все-таки и реалья — пронзительное желание быть вместе со всем народом, друзьями и бить врага.

Архетипический для нашей литературы военно-патриотический стихотворный текст, архитектоника которого целиком строится на череде ритуальных тостов, был создан в эпоху Отечественной войны 1812 г. Им является «Певец во стане русских воинов» (1812) В. А. Жуковского. Это стихотворение обладает колоссальным и до сих пор до конца не выявленным художественным потенциалом как в способах и приемах создания образа врага, так и в мобилизации коллективного сознания на дело защиты родины и уничтожения захватчиков (ср.: [Кашкина]). Стилистические и образные переключки между произведением времен войны 1812 г. и «публицистической» поэзией 1941–1945 гг. разнообразны и многочисленны. Достаточно отметить, например, что «Певец...» написан чередующимся четырех- и трехстопным ямбом. Но нас интересует мотив, который проявился в поэзии периода Великой Отечественной войны не столь уж и неожиданно, — *пожелание, с кубком (чашей, стаканом) в руках, смерти врагу.*

У Жуковского здесь вполне узнаваемы библейские прежде всего ветхозаветные аллюзии:

«Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!»⁸.

У Исаковского в стихах «на 1943 год» библейская образность остается на уровне приема фразеологизма и метафоры, связи которых со Священным Писанием и религиозным чувством оборваны:

«Мы встретим (Новый год. — А. П.) в грохоте боев,
Взметающих снега,
И чашу смерти до краев
Наполним для врага.
И вместо русского вина, —
Так этому и быть! —
Мы эту чашу — всю, до дна —
Врага заставим пить» (курсив мой. — А. П.) (251).

Романтическому «мечу во длани» Жуковского соответствует у Исаковского поднятое боевое оружие:

«В лесах, в степях, при свете звезд,
Под небом фронтовым,
Мы поднимаем этот тост
Оружьем боевым» (252).

«Звезды» и «небо» суть мифопоэтические «общие места» эонической поэзии, в которой с конца XVIII в. смена лет нередко стала изображаться на фоне космического пейзажа с участием «гостей» из иного мира. У Исаковского и Твардовского этот топос принял форму квазиреалистической пейзажной детали.

В литературоведении существует мнение о том, что «чаша смерти» в стихотворении Исаковского восходит к евангельскому сюжету о Гефсиманском саде и к словам (молитве) Христа «Да минует меня чаша сия» (Мф. 26:39) [Баруткина: 87–88]. Однако в Евангелии этот сюжет является реминисценцией ветхозаветной «чаши ярости», а также мотива Господней мести врагам избранного народа из Книги пророка Исаии:

«Воспряни, воспряни, восстань, Иерусалим, ты, который из руки Господа выпил *чашу ярости* Его, *выпил до дна чашу опьянения*, осушил» (Ис. 51:17) (курсив мой. — А. П.);

«Так говорит Господь твой, Господь и Бог твой, *отмщающий за Свой народ*: вот, *Я беру из руки твоей чашу опьянения*, дрожжи из *чаши ярости* Моей: ты не будешь уже пить их. *И подам ее в руки мучителям твоим*, которые говорили: тебе: «пади ниц, чтобы нам пройти по тебе»; и ты хребет твой делал как бы землю и улицу для проходящих» (Ис. 51:22–23) (курсив мой. — А. П.) (об идиоме см.: [Шулежкова: 142, 174]).

Появление в русской поэзии мотива новогоднего тоста («спича») в связи с военными событиями точно датировать не представляется возможным. В 1870-е гг. мы находим его в стихотворных фельетонах В. П. Буренина о франко-прусской войне; возможно, такие стихи могут обнаружиться в периодике времен Крымской войны, когда краткие застольные пожелания стали неотъемлемой частью чествований защитников Севастополя. В годы Первой мировой и Гражданской войн военно-патриотические тосты, приуроченные к Новому году, были распространены уже повсеместно. Среди авторов подобных стихов — В. В. Князев (1913), Н. Я. Агнивцев (1916), В. Я. Брюсов (1917–1918), М. И. Цветаева (1921–1922) и др.

Остановимся здесь только на цветаевских стихах, но прежде стоит напомнить, что сама традиция подводить итоги политическим событиям уходящего года, обычно военным победам, была введена в нашу литературную культуру «петербургскими немцами» — одическими поэтами 1730-х гг. — как отклик на русско-турецкие конфликты в царствование Анны Иоанновны [Петров, 2009: 56–68].

Нам уже приходилось писать о новогодних стихах Цветаевой [Петров, 2015]; дополню прежние свои наблюдения. Как новогодний тост построено одно из трех ее энических стихотворений периода Гражданской войны — «Новогодняя» (15 января 1922 г.). По своему пафосу оно весьма далеко от стихов Исаковского, тем более что Цветаева воспекает Белое движение, поэтому сперва уделим внимание поэтике — а именно: двум художественным деталям и некоторым идеологическим сходствам двух поэтов. Первая деталь — форма обращения

У Исаковского находим динамику в использовании номинаций сосуда для тоста. В стихах 1942 г. это метафора — библейская «чаша смерти», из которой, напомним, врага заставляют пить «*русское вино*». Сами же русские воины поднимают тост «оружьем боевым» (тоже метафора). В стихотворении 1943 г. конкретного наименования нет, есть лишь оборот «поднимем тост» и многократная конкретизация того, *за что* его поднимают. В третьем стихотворении, «на 1945 год», появляются «чарки»: «Наши чарки осушим до дна!». Как именно представлял Исаковский чарку, сказать трудно, ибо ее внешний облик в течение многих веков менялся очень сильно. Скорее всего, это поэтизм с отсылками к старинному русскому происхождению сосуда (ср. выше: «*русское вино*»). О ритуальных смыслах тоста я уже писал; следует добавить, что у Цветаевой, как и у Исаковского, тоже появляется известная формула — «русский Бог»:

«Еще жив — русский
Бог! Кто верует — встань!
Грянь,
Кружка о кружку!»¹⁰

История этого оборота прослеживается в статье С. А. Рейсера [Рейсер]; здесь важно отметить, что он присутствует в «Певце...» Жуковского и что Цветаева освобождает это выражение от устойчивых иронических обертонов, приданных ему П. А. Вяземским еще в 1828 г., возвращая «русскому Богу» его исходное, серьезное значение. Для советского исследователя в 1961 г. это — набивший оскомину штамп, «реакционная», «официальная формула русского самодержавия», «квасного патриотизма» и т. п. С. А. Рейсер констатировал, что «русский бог погибает, просуществовав приблизительно столетие» и что в патриотических стихах на момент 1914 г. эта формула уже не встречается [Рейсер: 69]. Как видим, Цветаева в 1922 г. использует данную идиому в первоначальном ее значении: «русский Бог» — покровитель и спаситель русского народа в годину бедствий. По сути, библеизм «чаша смерти» у Исаковского и формула «русский Бог» у Цветаевой в исконных своих смыслах означают одно и то же — *Божественную помощь избранному народу*.

Можно сделать вывод о том, что у Цветаевой — в открытой форме, у Исаковского — в завуалированной, неосознанной — обнаруживается желание стать *Певцом* национального единства («братства» ли, «товарищества» ли) и данным только *Поэту* оружием — Словом — заклясть в сакральный временной момент врага и Судьбу.

После 1945 г. «экзистенциальные архетипы» поэзии о войне отошли на второй план и «серьезная» составляющая ритуального «фронтового» тоста себя исчерпала. Можно было, следовательно, вновь обратиться к «несерьезной», опробованной еще до войны. Шуточное, а возможно, фельетонное, стихотворение Исаковского «Застольная бесконечная. На все случаи жизни»¹¹ классифицируется как новогоднее по дате написания — 31 декабря 1948 г. — и по первому куплету. Песня состоит из восьми пронумерованных фрагментов — неизменного 8-стишного рефрена и 8-стишных же куплетов с варьирующимися деталями. В конце стихотворения поставлена цифра «9» и написано «и т. д.». Подразумевается, что продолжение легко сочинить на любой другой праздник. В рефрене содержится предупреждение о том, «что и водка и вино / Вред приносят людям». В первом куплете говорится о праздновании Нового года, о том, что «раз уж собрались мы вместе», то «придется по маленькой выпить», а потом, «чтоб не обидеть хозяев», налить еще по одной. В последующих куплетах перечисляются семь других случаев из жизни советского человека, подходящих для тостов: именины, Первое мая, свадьба, «прибавленье» в семье, «праздник Октябрьский», поступление в институт, «за наше здоровье». Набор ситуаций эклектичный; заметно лишь, что объединены здесь праздники государственные и частные, семейные. Праздник Нового года (не забудем: сакральный временной момент) как бы дает начало годовому циклу радостных событий в жизни всей страны, счастливых случаев в жизни советского человека и... все того же пьянства. Последнее подано в этих стихах как традиция, но и как неизбежное зло. В целом «Застольная бесконечная» представляет собой шуточную зарисовку из послевоенного советского быта.

Через десять лет Исаковский напишет небольшое стихотворение на наступление 1958 г. (позднейшее название — «Тост»):

«Мой тост, и слово, и присловье —
За правды сущей торжество,
За светлый разум, за здоровье,
За честь народа моего!
За славный труд, за подвиг новый,
За свет, что светит нам вдали;
За мир, где хватит счастья вдоволь
Для всех людей, для всей земли!» (334)

Ключ к истолкованию этих восьми стихов кроется, возможно, в факте его публикации в газете «Правда» — в номере от 1 января 1958 г. под заглавием «Пожелание». Адресовано оно, следовательно, всему советскому народу и выражает официальную точку зрения. Последняя довольно абстрактна: в поздравлении практически не угадывается какой-либо узнаваемый исторический контекст (в отличие, например, от других стихов Исаковского к государственным праздникам и юбилеям). В этом отношении его «оттепельный тост» заметно разнится от «фронтовых», два из которых тоже были опубликованы в первоянварских номерах «Правды». А ведь прошедший, 1957 год был и в СССР, и в мире насыщен разнообразнейшими и даже эпохальными событиями: Н. С. Хрущева едва не сняли с поста первого секретаря ЦК КПСС; в Москве был открыт VI международный фестиваль молодежи и студентов; наша страна вывела на околоземную орбиту два спутника, второй из них — с собакой Лайкой; была запущена первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета; в конце 1957 г. был спущен на воду атомный ледокол «Ленин»; в прокат вышли кинофильмы «Тихий Дон», «Хождения по мукам», «Летят журавли», «Коммунист», «Высота». Очевидно, что можно было написать блистательный «годовой отчет» о событиях в стране — «панораму истории» [Радионova: 36], ведь жанровый формат новогоднего стихотворения это допускал и прецеденты в нашей поэзии имелись. Однако у Исаковского находим лишь «общие места» новогодних поздравлений и в целом тостов-здравниц, прежде всего топос «нового счастья» и его подходящие к эпохе «оттепели»

словесно-образные репрезентации. С одной стороны, поэт избежал славословий в адрес конкретных лиц, что составляло один из модусов эонической поэзии, с другой — складывается ощущение, что он вновь хочет заклать Время, но теперь уже по-другому — не прямо, как во время войны, а словно желая «не сглазить» налаживающуюся в стране жизнь.

Совсем в иной тональности выдержано последнее новогоднее стихотворение поэта, которое было опубликовано уже в посмертном издании его сочинений — «Никто мне в детстве не дарил игрушек. У новогодней елки» (дек. 1972 г.). Оно и традиционно, и уникально. Немало русских поэтов задумались в конце декабря о том, как они провели год уходящий и что их ждет в предстоящем. Одни выбрали для своих стихотворений элегический код (Д. В. Веневитинов, Н. М. Языков, А. В. Кольцов и др.), другие — горацанский (Г. Р. Державин, И. М. Долгоруков) или псалмодический (В. К. Кюхельбекер). Отзвуки всех трех кодов в произведении Исаковского имеются. Уникальность же его состоит в том, что это единственное из полутора сотен русских эонических стихов XVIII–XX вв., в котором автор пишет о всей своей жизни, а не о прошедшем годе. Перед нами, иными словами, исповедальное произведение, написанное, видимо, в больнице (см.: [Аннинский: 317]), — «панорама судьбы» [Радионова: 36]. Тосты, официальные и коллективные, наконец закончились. Теперь, перед последним в жизни новолетием, можно оглянуться на свое прошлое и просто помечтать о том будущем, которому уже не суждено случиться. Все, кто близко знал Исаковского, говорили о его открытости, искренности и честности; один из его ближайших друзей, А. Т. Твардовский, подчеркивал верность Исаковского двум «исходным принципам художественного отношения к действительности — искренности и правдивости»¹². У Исаковского, отмечал его младший друг, есть «слабые стихи. Он говорит иногда слова готовые, взятые из привычного слуху лексикона газет, но о нем никогда нельзя сказать, что он говорит слова, в которые сам не верит»¹³.

«Никто мне в детстве...» является у Исаковского так называемым «последним стихотворением» (см.: [Петров, 2018]). Как феномен культуры, как «поэтический текст особого типа»

это понятие рассматривает в своей антологии-монографии «Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.» Ю. В. Казарин. Исследователь справедливо указывает, в частности, на его экзистенциальную природу [Последнее стихотворение...: 17, 39, 48]. Замечу, что ни одно произведение Исаковского в эту антологию не вошло, хотя целый ряд их хорошо вписывается в парадигму «Последнего стихотворения».

В «Никто мне в детстве...» описаны, по сути, две «ситуации крушения», или «провала» (К. Ясперс). Первая была задана Судьбой: в детстве у героя не было ничего — игрушек, праздничных подарков, книг, путешествий, школьной формы. Неожиданным образом он оказывается похож на персонажа сказок о «горе-злосчастье»: «Что хорошо — к другим само катилось, / А что плохое — доставалось мне...»¹⁴. Об этом Исаковский неоднократно писал в горьких стихах о своем детстве. «Случай», «страдание», «ненадежность мира» — эти «пограничные ситуации» были, однако, преодолены, но не самым автобиографическим героем, а... другим Случаем:

«Но я отнюдь не жалею на это
И не ищущу спасительной статьи:
С тех пор как взвился жаркий стяг Советов,
Все жалобы рассмотрены мои;
Все судьбы изменились людские,
И, с вещим словом ленинским в душе,
Мы за полвека сделали такие,
Что нам весь свет завидует уже»¹⁵.

Речь явно идет о материальных и социальных благах, полученных самим автором, во-первых, и о коллективистских ценностях жителей «страны Советов», во-вторых. Строфы эти примыкают также к «лениниане» Исаковского. Далее в стихотворении описывается вторая «пограничная ситуация», которую ни советская, ни другая власть одолеть не в силах, ибо она — бытийная. Возникает эта ситуация, когда у героя есть, казалось бы, все:

«И все мои несчастья и ненастья
Давно прошли. Рассеялись давно.

И жить бы мне, забыв про все невзгоды, —
 Просторно, щедро, а не как-нибудь.
 Да только жаль, что быстро тают годы
 И их уже никак нельзя вернуть»¹⁶.

«В пограничных ситуациях, — писал К. Ясперс, — или обнаруживается ничто, или становится осязуемым то, что подлинно, несмотря на всю мимолетность мирового бытия» [Ясперс: 25]. В случае Исаковского «обнаруживается ничто», ибо ему не о чем и не о ком вспомнить, кроме первой «ситуации провала» и того, как она была исправлена властью. Это значит, что «подлинность» бытия оказалась мнимой. Как же реагирует всесоюзно известный поэт на «ситуацию крушения»? Одним из естественных, спрогнозированных все тем же немецким философом способов: хватается «за иллюзорные решения и успокоения» [Ясперс: 25].

Первое прямо названо Исаковским «пустым искушением»:

«Ах, если б сбросить лет хотя бы двадцать,
 А если можно, то и двадцать пять!
 Лет двадцать пять... Пустое искушень!»¹⁷.

Второе — иллюзорно:

«И все же, все ж мне очень бы хотелось
 Увидеть мир в грядущем бытии.
 Я б сделал все, что нынче не успелось,
 И думы б все додумал я свои.
 И сверх того — пускай совсем не первым!
 На Марсе и, конечно, на Луне
 Я побывать хотел бы. И наверно,
 Прогулку эту разрешили б мне»¹⁸.

Л. Аннинский увидел в этих словах шутку [Аннинский: 317], но стоит добавить — горькую. Ведь даже эту мечтательную «прогулку» могут не разрешить. В сакральный временной момент вдруг сблизилось прошлое / детство и настоящее / старость — сблизилось в ощущении Исаковским свободы и «подлинности» бытия. Детство запомнилось поэту бедностью и невозможностью реализовать свои желания; в зрелом возрасте пришло материальное благополучие, но осталась все та же невозможность реализовать свои, личные желания, хотя

советскому народу «в руки отданы» Земля и близлежащие планеты. Последняя мечта автора — тоже, в сущности, отголосок детской романтики: открыть, увидеть невиданное, совершить путешествие, тогда — по проливу Лаперуза, сейчас — на Луну. Мечты о космическом путешествии, как и ряд других мотивов и образов в стихах Исаковского, одновременно являются и реалией, и «общим местом» эонической поэзии. Иносказательно желание побывать в «ином», неземном пространстве равносильно желанию оказаться на «том свете», т. е. умереть. Контакты с гостями с «того света» встречаются в русской эонической поэзии, которой в целом свойственны духовидческие мотивы и которая, в общем, трансцендентна по своим устремлениям (см.: [Петров, 2009]). Но, кажется, только Цветаева в своем знаменитом «Новогоднем» (1927) описала «путешествие» Поэта (Р. М. Рильке) на «тот свет». Для советских писателей-атеистов такое видение темы и такое разрешение «пограничной ситуации» были невозможны.

Новогодние стихи Исаковского стоят в стороне от магистральных путей, по которым шло развитие как его лирики, так и всей советской поэзии. Можно утверждать, что 1942-1948, 1957, 1972-й — это годы-«вехи» жизненного опыта поэта, запечатлевшие значимые для него и/или для всей страны события. По складу своего дарования Исаковский не был склонен к философским медитациям: на эти последние, кроме того, не было и государственного «заказа». В последнем своем новогоднем стихотворении поэт оговорился: «И думы б все додумал я свои». «Думы», так или иначе, все равно находят выход в поэтическом высказывании: в «общих местах» жанра, в используемых приемах, в повторяющихся мотивах и пр. Новогодние стихи оказались подходящей для воплощения «недодуманных дум» содержательной формой.

Так, три «фронтowych» тоста запечатлели, прежде всего, страх писателя и всего советского народа перед Смертью и «ненадежностью мира» (К. Ясперс); затем — чувство «вины» Исаковского перед самим собой и народом, «товарищами и друзьями» из-за невозможности участвовать в боях, бить врага; наконец, желание Словом, тостом «заклясть» враждебные силы и тем приблизить победу.

Шуточный послевоенный тост отразил, как кажется, тот факт, что жизнь в СССР начала входить в мирную колею. Знаком намечающейся стабильности стало возвращение к устоявшейся череде праздников — манифестаций счастливых событий в стране и в жизни отдельно взятого советского человека. В официальном тосте «за 1958 год» осторожно выражена традиционная для жанра идея «нового счастья» с акцентом на мотиве мирных трудовых подвигов советского народа.

«Последнее стихотворение» Исаковского — сугубо личное, исповедальное, но даже здесь «я» неотделимо от «мы». В преддверии Смерти успешный, популярный, всенародно известный советский поэт пытается найти прибежище своим «недодуманным думам», своим детским мечтам — какому-то странному для него чувству, которое мы предлагаем назвать, следуя за философами-экзистенциалистами, «ситуацией крушения». Всю жизнь ведомый и сохраняемый советской властью, он вдруг осознал, что перед последним его рубежом ни эта власть, ни дарованное ею счастье, ни «природа-мать» не могут предложить ему «спасения и освобождения» (К. Ясперс). С горькой иронией Исаковский афористично написал об этом в другом своем «последнем стихотворении» — «С прежним другом я свиделся...» (1969):

«Всем бессмертия хочется,
А бессмертия — нет»¹⁹.

Но поскольку «спасение и освобождение» могут дать лишь «универсальные религии спасения» [Ясперс: 25], Исаковский, человек атеистических убеждений, ушел из жизни — для читателей его «последних» произведений — с сознанием собственной несвободы и неподлинности существования, хотя свой «Памятник» — свои песни — он воздвиг еще при жизни.

«Новогодний цикл» Исаковского является и частью «новогоднего текста» русской литературы. Здесь следует выделить два момента. Первый: новогодний военно-патриотический стихотворный тост, окончательно сформировавшийся в годы Первой мировой войны, стал в период Великой Отечественной одной из многих жанровых форм, способствовавшей

мобилизации русского национального сознания, единению народа перед лицом смертельной опасности. Второй момент: эта форма унаследовала ряд архаичных — дохристианских и христианских — топосов. Среди них: переживание годового пограничья как сакрального времени, ритуальные магические формулы, заклинающие Смерть, Время и Судьбу, библейский архетип богоизбранного народа, находящегося под защитой Божества.

Примечания

- ¹ Исаковский М. В. Стихотворения / вступ. ст., сост. и прим. В. С. Бахтина. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 275. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 51.
- ³ Там же.
- ⁴ См., напр., статьи «Вино», «Здоровье», «Пить» в: Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2014.
- ⁵ Там же. Т. 4. С. 55.
- ⁶ Там же. С. 56.
- ⁷ Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 167.
- ⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1: Стихотворения 1797–1814 гг. С. 227.
- ⁹ Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. С. 85.
- ¹⁰ Там же. С. 86.
- ¹¹ Исаковский М. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худ. лит., 1968. Т. 2. С. 312–316.
- ¹² Твардовский А. Т. Указ. соч. Т. 5. С. 254.
- ¹³ Там же. С. 255.
- ¹⁴ Исаковский М. В. Стихотворения / сост. А. Исаковская; автор предисл. Н. Старшинов. М.: Современник, 1988. С. 329.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 330.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.

Список литературы

1. Аннинский Л. А. Век мой, зверь мой...: русское, советское, всемирное свидетельство стиха. — Иркутск: Сапронов, 2004. — 656 с.
2. Баруткина М. О. Мотив *моление о чаше* в русской поэзии периода Великой Отечественной войны // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: Молодая наука. — 2018. — № 5. — С. 82–90.

3. Даренский В. Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. — 2014. — № 1 (15). — С. 90–108.
4. Добренко Е. Искусство ненависти: «Ярость благородная» и насилие в советской культуре периода Второй мировой войны // Русская литература. — 2019. — № 3. — С. 217–228.
5. Железный А., Шемета Л. Песенная летопись Великой Отечественной войны. — Киев: Современная музыка, 2010. — 266 с.
6. Кашкина Л. И. Традиции русского ораторского искусства в гражданско-патриотической лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. — М.: Наука, 1988. — С. 132–152.
7. Кукулин И. В. Лирика советской субъективности: 1930–1941 // Филологический класс. — 2014. — № 1 (35). — С. 7–19.
8. Петров А. В. Новогодняя поэзия в России: от Тредиаковского до Бенедиктова. — Магнитогорск: МаГУ, 2009. — 267 с.
9. Петров А. В. Новогодние стихи М. И. Цветаевой и традиции русской эонической поэзии // «Если душа родилась крылатой...» Материалы VII Международных Цветаевских чтений в Елабуге. — Елабуга: ЕЛТИК, 2015. — С. 222–238.
10. Петров А. В. «На новый 1842-й год» А. В. Кольцова: опыт контекстного прочтения «последнего стихотворения» // Libri Magistri. — 2018. — Вып. 5. — С. 48–59.
11. Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв. / авт.-сост. Ю. В. Казарин. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 552 с.
12. Поэзия Великой Отечественной войны: эстетика, проблематика, жанрово-стилевые тенденции: уч.-мет. пособие для студентов / сост. О. А. Дашевская. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. — 136 с.
13. Радионова А. В. Лиро-философский метатекст в русской литературе: дис. ... д-ра филол. наук. — Смоленск, 2019. — 454 с.
14. Рейсер С. А. Русский бог // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. — 1961. — № 1. — С. 64–70.
15. Соцреалистический канон / сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — 1040 с.
16. Шердюкова А. А., Петров А. В. Новогодние стихи А. Т. Твардовского: сравнительный, исторический и коммуникативный аспекты анализа // Студент и наука (гуманитарный цикл) — 2020 / гл. ред. Н. Н. Макарова. — Магнитогорск: ФГБОУ ВПО «МГТУ», 2020. — С. 1425–1432.
17. Шулежкова С. Г. «И жизнь, и слёзы, и любовь...» Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 848 с.
18. Ясперс К. Введение в философию / пер. с нем.; под ред. А. А. Михайлова. — Мн.: Пропилеи, 2000. — 192 с.

Aleksey V. Petrov*Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russian Federation)*

alexpetrov72@mail.ru

Poetics of the New Year Verse Cycle by M. V. Isakovsky (Comparative and Typological Aspects)

Abstract. Six New Year (eonic) poems by M. V. Isakovsky, written between 1942 and 1972, are examined in the article as a non-author's cycle with its own 'plot'. It captured such philosophical phenomena as death, guilt, suffering, chance, etc., which revealed themselves in a sacred moment of time — the New Year. The three "battlefield" toasts reflected Isakovsky's sense of guilt before himself and the people; the desire to cast a spell on hostile forces and thus bring victory closer. The humorous post-war toast of 1948 demonstrated the return of life in the USSR to a peaceful track, which was signified by the restoration of state and family holidays, dinner parties. The official 'newspaper' toast "for 1958" expresses the idea of "new happiness" that emphasizes the motive of peaceful labor exploits of the Soviet people, while the poems "for 1973" can be classified as confessional. Isakovsky's New Year poems are also analyzed in the context of two traditions — Russian aeonic poetry and ritual toasts. Connections with poems by V. A. Zhukovsky, P. A. Vyazemsky, M. I. Tsvetaeva, A. T. Tvardovsky are traced. New Year poetic toast, on the one hand, became one of the many genres that contributed to the unity of the Russian people in the face of mortal danger during the war; on the other hand, it preserved a number of archaic topoi (the experience of the New Year's transition as a sacred time; ritual magic formulas that invoke Death, Time and Fate; the biblical archetype of the chosen people, etc.).

Keywords: M. V. Isakovsky, New Year poetry, aeonic poetry, the Great Patriotic War, ceremonial toast, comparative studies, biblical expression

About the author: *Petrov Aleksey V.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University (pr. Lenina 38, Magnitogorsk, Russian Federation, 455000)

Received: August 15, 2020

Date of publication: October 30, 2020

For citation: Petrov A. V. Poetics of the New Year Verse Cycle by M. V. Isakovsky (Comparative and Typological Aspects). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 306–330. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8503

References

1. Anninskiy L. A. *Vek moy, zver' moy...: russkoe, sovetskoe, vseмирnoe svi-detel'stvo stikha* [My Century, my Beast...: Russian, Soviet, Worldwide Evidence of Verse]. Irkutsk, Sapronov Publ., 2004. 656 p. (In Russ.)
2. Barutkina M. O. Motif of the Prayer for the Cup in Russian Poetry During the Great Patriotic War. In: *Ural'skiy filologicheskiiy vestnik. Seriya: Draft: Molodaya nauka* [Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science], 2018, no. 5, pp. 82–90. (In Russ.)
3. Darenskiy V. Yu. War as a Spiritual Initiation: Existential Archetypes in Russian Poetry About the Great Patriotic War. In: *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Academy for Humanities. Series: Philosophy. Philology], 2014, no. 1 (15), pp. 90–108. (In Russ.)
4. Dobrenko E. The Art of Hate: “Noble Rage” and Violence in Soviet Culture During Second World War. In: *Russkaya literatura*, 2019, no. 3, pp. 217–228. (In Russ.)
5. Zheleznyy A., Shemeta L. *Pesennaya letopis' Velikoy Otechestvennoy voyny* [Song Chronicle of the Great Patriotic War]. Kiev, Sovremennaya muzyka Publ., 2010. 266 p. (In Russ.)
6. Kashkina L. I. Traditions of Russian Oratory in V. A. Zhukovsky's Civil and Patriotic Lyrics. In: *Zhukovskiy i literatura kontsa XVIII–XIX veka* [Zhukovsky and Literature of the End of the 18th–19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 132–152. (In Russ.)
7. Kukulin I. V. Poetry of the Soviet Subjectivity: 1930–1941. In: *Filologicheskiiy klass* [Philological Class], 2014, no. 1 (35), pp. 7–19. (In Russ.)
8. Petrov A. V. *Novogodnyaya poeziya v Rossii: ot Trediakovskogo do Benediktova* [New Year's Poetry in Russia: from Trediakovsky to Benediktov]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2009. 267 p. (In Russ.)
9. Petrov A. V. M. I. Tsvetaeva's New Year's Verses and Traditions of the Russian Eonic Poetry. In: «*Esli dusha rodilas' krylatoy...*» *Materialy VII Mezhdunarodnykh Tsvetaevskikh chteniy v Elabuge* [“If the Soul Was Born Winged...”: Proceedings of the 7th International Tsvetaeva Readings in Elabuga]. Elabuga, ELTIK Publ., 2015, pp. 222–238. (In Russ.)
10. Petrov A. V. A. V. Koltsov's “On New Year 1842”: An Experience of the Contextual Reading of “The Last Poem”. In: *Libri Magistri*, 2018, issue 5, pp. 48–59. (In Russ.)
11. *Poslednee stikhotvorenie 100 russkikh poetov XVIII–XX vv.* [The Last Verse of 100 Russian Poets of the 18th–20th Centuries]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2011. 552 p. (In Russ.)
12. *Poeziya Velikoy Otechestvennoy voyny: estetika, problematika, zhanrovo-stilevye tendentsii* [Poetry of the Great Patriotic War: Aesthetics, Problems, Genre and Style Trends]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2016. 136 p. (In Russ.)

13. Radionova A. V. *Liro-filosofskiy metatekst v russkoy literature: dis. ... d-ra filol. nauk* [*Lyric and Philosophical Metatext in Russian Literature. PhD. philol. sci. diss.*]. Smolensk, 2019. 454 p. (In Russ.)
14. Reyser S. A. Russian God. In: *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [*The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*], 1961, no. 1, pp. 64–70. (In Russ.)
15. *Sotsrealisticheskiy kanon* [*The Socialist Realist Canon*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 1040 p. (In Russ.)
16. Sherdyukova A. A., Petrov A. V. A. T. Tvardovsky's New Year Verses: Comparative, Historical and Communicative Aspects of Analysis. In: *Student i nauka (gumanitarnyy tsikl) — 2020* [*Student and Science (Humanitarian Cycle) — 2020*]. Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University Publ., 2020, pp. 1425–1432. (In Russ.)
17. Shulezhkova S. G. «*I zhizn', i slezy, i lyubov'...*» *Proiskhozhdenie, znachenie, sud'ba 1500 krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka* [*“And Life, and Tears, and Love...”: The Origin, Meaning and Fate of 1500 Winged Words and Expressions of the Russian Language*]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 848 p. (In Russ.)
18. Yaspers K. *Vvedenie v filosofiyu* [*Introduction to Philosophy*]. Minsk, Propilei Publ., 2000. 192 p. (In Russ.)